

Рэндидли стиснул зубы и сосредоточился на страницах дневника.

Все против Фантома, ибо они знают, что он шагает в тени Смерти.

И когда Рэндидли читал слова, оно проявлялось. Или если точнее, появился он. Когда он услышал историю о Шале и его отца, Рэндидли смог увидеть этого человека. Его небольшая улыбка, его широкие плечи и короткие чёрные волосы. В отличие от Шала кожа у него была окрашена в темно-красный, а не в синий.

С его плеч свисал кожаный плащ, растрёпанный по краям. А его глаза...

Его глаза горели, и когда Рэндидли прочитал первую строку, он начал продвигаться к Рэндидли.

Они шарахались от касаний с ним, так как страх разрушает власть над собственным телом. Возможно, если бы они могли пользоваться своими способностями, тогда их борьба имела бы смысл. Но перед Фантомом...

Рэндидли содрогнулся. Приближение Фантома несло за собой ощутимую ауру смерти, будто Рэндидли вдохнул запах гниющего тела. Воздух становился всё более горячим и зловонным. Рэндидли сжал кулаки. Он не отступал, даже когда образ призрака приблизился к нему вплотную.

...Перед Фантомом всё рассыпалось и рассеивалось. Путь, по которому он шагал, был обширен и тянулся невероятно далеко. И путь этот хитрый и многообразный был шириной лишь с один шаг. Но те люди по какой-то причине ступают на подобный путь, обрекая себя на верную гибель. На этом этапе, они могут лишь бороться...

Рыча, Рэндидли создал копьё из Боевого Влияния и бросил его в Фантома. Хотя это, скорее всего, было его воображением, ему показалось, что Фантом улыбнулся, а потом бесследно исчез.

Следующим, что он почувствовал, была тонкая и холодная рука, хлопывающая по его плечу. Отказываясь проигрывать, Рэндидли отпрыгнул назад и повернулся к Фантому, который стоял перед ним, широко раскинув руки. Его плащ был раздвинут и развивался каким-то неземным ветром, раскрывая не человеческий торс, как ожидал Рэндидли, а точнее, тело спящего скелета.

Сначала Рэндидли подумал, что это лицо Шала, но чем дольше он смотрел, тем больше отличий всплывало на поверхность. Это лицо было... мягче и теплее. Хотя нос и был похож, скулы выступали не так заметно, хоть и были шире.

Рэндидли застыл: его внезапно смутило то, на что он смотрел. Лицо, а не торс под плащом.

Почему-то было очень тревожным. Это... это ведь был образ, созданный Боевым Влиянием, ведь так...?

Веки спящего лица задрожали, затем моргнули и обнажили глаза, красивые и длинные ресницы которых развивались на ветру. Когда оно открыло глаза, Рэндидли смотрел на него и задавался вопросом, было ли это лицо женщины или мужчины.

- Я...

Рэндидли моргнул, потому что лицо заговорило. Его губы быстро двигались, неуклюже и неестественно, будто эти губы никогда не произносили слова.

- Я...

Оно шире открыло глаза, что были чёрными и влажными, словно пролитые чернила. Фантом стоял, с раскрытым плащом, его улыбка медленно угасала, а на смену ей приходила злость. Он нахмурился.

...Хоть они и сражались, было уже поздно. Ведь путь, по которому они идут, скоро оборвётся, как и их жизни. Как только призрак Смерти заманивает и искушает их в своём царстве, их жизни начинают мерцать, словно огоньки во тьме, а кровь вытекает из их ртов и стелет за ними красный ковёр. Путь...

- Я так голоден... - сказала лицо, находящееся на туловище. Потом оно открыло рот и начало засасывать воздух. Его чернильные глаза смотрели на Рэндидли. Эфир внутри него трепетал, будто на него действовала какая-то внешняя сила, которая заставляла его инстинктивно отступить назад.

Тут же Фантом опустил руки, а прежняя улыбка вернулась на его лицо. Его пальцы всё больше разрастались и постепенно окружали Рэндидли, формируя клетку, которая ломала и разрывала его внутренние органы, оставляя его...

Отдышавшись, Рэндидли опять отбросил дневник. Через несколько секунд, настоящая «Фантомная» боль проявилась, он чувствовал себя, будто его только что уничтожили в пух и прах. Но потом эффект постепенно прошёл, будто он покинул его тело. Рядом сел Шал, холодно рассматривая его.

- Как мне кажется, на сегодня достаточно, - легко сказал Шал и взял дневник. После чего ушёл, оставив Рэндидли валяться на земле.

После того как одышка ушла, Рэндидли закрыл глаза и попытался сосредоточиться и вспомнить, что произошло с ним. Лицо на торсе было похоже на лицо Шала, чернильное-чёрные глаза, и чем дольше Рэндидли смотрел на призрака, тем больше он менялся. Это лицо

даже могло вызывать изменения Эфира, с которым Рэндидли боролся в лучшие времена.

И голод в этих чёрных глазах...

У Рэндидли появился конкретный образ того навыка, каким сейчас двигался Фантом, хоть он точно не знал, как это должно работать. Навык, который создавал подавляющий психологический эффект, и оттеснял противников. Казалось, будто этот навык проводит инверсию, обращая направленные на бегство силы против их самих, и чем больше они пытаются уклониться от этого навыка, тем сильнее становилось его влияние на их разумы.

Но, если кто-то не сбегал, или не атаковал, это было бесполезно.

Тем не менее это лицо не вписывалось в движение, которое представлял себе Рэндидли. Казалось, это была самая большая часть образа из книги, которая была наименьше связана с самим навыком. Или, возможно, это был призрак с Шестого Движения Фантомного Копья...?

В любом случае, это было то, что нынешний Рэндидли не мог осуществить. Сейчас он мог только сосредоточиться на целях, которые принесут плоды в скором времени. Он встал и начал практиковаться в Неотвратимом Фантомном Пришествии. Его удары были медленными, но несмотря на то, что он не получил точной информации от изучения Пятого Движения Фантомного Копья, его Боевое Влияние становилось сильнее после долгой практики.

Цоканье часов стало громче. Его собственный, временный призрак стал более ясным, после чего Рэндидли стал добавлять всё больше и больше деталей. Практически непрошенные, маленькие детали о его матери всплыли на поверхность. Когда Рэндидли вспомнил, как она одевалась, как она не выходила на улицу, мантия на призраке стала серой и поношенной.

Он вспомнил, как она пахла мёдом и только начавшими гнить цветами, как она улыбалась, будто бы она извинялась своими глазами, а её рот был растянут в широкую улыбку. Детали начали накапливаться в образе, чувства Рэндидли к образу раздувались вне его сердца.

Когда Эфир гремел в его ушах, забурлил яростный ледяной поток, накопленный за множество лет гнев и разочарование начал всплывать в его памяти и наполнять образ Рэндидли новой силой.

Рэндидли вспомнил, как он сидел в тёмной комнате на протяжении долгих часов. Как он боялся и смущался, слушая смех его матери и её мужчин по ночам даже на выходных. То, как он будет прятаться в своей комнате, даже когда был голоден. Он отказывался показываться перед ними.

Он помнил мозолистые руки мужчин и их покровительственные улыбки, обращённые к его матери. Это разжигало ярость в душе Рэндидли. Беспомощный, пронзённый, разрываемый на тысячу направлений...

Когда Рэндидли больше сосредоточился на сидящем в темноте маленьком мальчике, руки которого беспомощно обвилились вокруг колен, цоканье часов становилось всё сильнее и сильнее, настолько сильным, что эти звуки могли оглушить. С каждым разом летело и время, а голод ребёнка становился всё более мучительным и безысходным. Но смех, звонкий и легкий, низкий и грязный, становился всё громче и громче, ревуший звук соперничающий со звуком часов.

Внезапно Рэндидли осознал, что он стоит на месте и делает выпады копьём. Он даже не додумался использовать Спешку или Усиление, а просто проводил удар за ударом. Он закончил движение намного быстрее, чем перед входом в тюрьму, не было никакой отдачи, ни разрыва воздуха, ни вакуума.

Лишь тишина и странное ощущение веса копья: оно было тяжело, как целый мир. Рэндидли вздохнул, позволяя тишине захватывать всё больше пространства. Это тоже было частью образа, мощная тишина и темнота окружали мальчика. Цоканье было страшным, в некотором смысле, оно показывало проходящее время и неизбежность сопротивления времени. Но по тому же признаку страшна была и тишина.

Потому что в тишине, время могло исказиться и превратиться в мерзость, которая не подчинялась объективным правилам, а растягивалась для того, чтобы заполнить субъективное пространство. В тишине и темноте сама минута становилась вечностью.

Эфир был внутри него, а он держал этот образ несколько минут у себя в голове, ощущая как тонкие завитки Эфира отделялись и вливались в его навыки, постепенно усиливая их.

Через некоторое время это ощущение ушло, и Рэндидли проверил окно статуса.

Он получил уровень во Владении Копьями, два в Усилении, один в Контроле Тела: Заморозка, три в Гравировке, два в Отвержении, ещё семь в Боевом Влиянии и одиннадцать в Неотвратимом Фантомном Пришествии.

Рэндидли распределил заработанные ОП, получил три единицы в Сопротивление и одну Силу Воли, но когда он попытался встать, в его груди прорезалась боль. Кривясь, Рэндидли снова сел и положил руку на то место, где в диком танце крутился его Навык Души. Это конечно не так плохо, как в прошлый раз, но всё равно не очень. Чувствовалось это, словно изжога, которая поедала и убивала тебя изнутри.

К счастью, это чувство прошло относительно быстро, однако это всё ещё раздражало Рэндидли. Это было не то, что Рэндидли хотел решить именно сейчас. Он скоро будет участвовать в турнире, и если это случится посредине поединка...

Это не из-за уровней. Это активность Эфира обостряет проблему. В тяжелом бою был шанс того, что Навык Души перейдёт черту, за которой Рэндидли уже не сможет его контролировать. Основываясь на этой боли...

Если бы Навык Души вращался так быстро, он разорвал бы его...

Рэндидли толком ничего не знал в вопросе последствий ответной реакции Эфира, но если он разорвет тело на части...

Рэндидли вздрогнул, после чего продолжил медитировать, пока боль не угасла.

<http://tl.rulate.ru/book/6561/487033>